

Лили и Лилиан

Автор:

[Алекс Вуд](#)

Лили и Лилиан

Алекс Вуд

В провинциальном городке появляется необыкновенная девушка Лилиан. Она привлекательна и скромна, преподает математику в школе. Она без труда справляется с самыми непослушными учениками и в короткое время завоевывает все сердца. Мэтью Гленфилд, директор школы, тоже не остается равнодушным к ее чарам. Но через некоторое время выясняется, что застенчивая Лилиан совсем не та, за кого себя выдает...

Роман выходил в серии «Панорама романов о любви».

Алекс Вуд

Лили и Лилиан

1

К Рождеству даже самая уродливая постройка в Спринг-Бэй – средняя школа Марбл Хэйвен – неузнаваемо преобразилась. Тусклую темно-коричневую краску, которая совсем облупилась, счистили со стен, толстые железные решетки сняли с окон первых этажей. Силами нескольких учителей-энтузиастов, которые сумели найти необходимые средства, а также организовать учеников, школа была выкрашена в приятный светло-зеленый цвет, двор начисто подметен, забор

вокруг спортивной площадки отремонтирован. У входа красовалось громадное рождественское дерево, украшенное наивными красными и золотистыми бантиками, и мистер Гленфилд, директор школы, очень переживал из-за того, что в первую же ночь кто-то стащил с дерева гирлянду праздничных фонариков.

Но Марбл Хэйвен оставалась, в конце концов, всего лишь Марбл Хэйвен, и полностью изменить ее за несколько дней было невозможно.

Вечером двадцать третьего декабря в школе планировался торжественный вечер. Готовилась масса потрясающих сюрпризов, и даже Джимми Кольен, самый отъявленный шестнадцатилетний хулиган Марбл Хэйвен, не сумел противостоять обаянию приближающегося праздника. Он согласился (подумать только!) помочь мистеру Гленфилду с занавесом в большом зале школы. Впрочем, многие замечали, в что последнее время Джимми сильно изменился в лучшую сторону. Многие, но только не Люсинда Близард.

– На вашем месте я была бы поосторожнее с этим Кольеном, – неодобрительно сказала она директору, когда узнала о том, что Джимми будет принимать участие в организации вечера.

Люсинда Близард преподавала физику и была самым старым и опытным учителем в Марбл Хэйвен. Считалось, что она как никто другой разбирается в учениках. Однако мистер Гленфилд предпочел проигнорировать ее предупреждение.

– Прошу вас, Люсинда, – поморщился он. – Надо дать мальчику шанс.

Миссис Близард поджала губы. Некоторое время назад она рассчитывала занять пост директора школы, но руководство распорядилось по своему и выбрало для Марбл Хэйвен Мэттью Гленфилда. Естественно, никаких добрых чувств Люсинда Близард не питала к новому директору. Он казался ей несдержанным, недальновидным и чересчур молодым. Возможно ли управлять таким серьезным заведением, как средняя школа Марбл Хэйвен, в тридцать два года? Миссис Близард полагала, что нет. Но кем была она, чтобы открыто высказывать свое мнение? Тем более, что ходили слухи, что у нового директора есть очень влиятельные знакомые...

На рождественском концерте Люсинда Близард заняла место в третьем ряду, второе от центрального прохода. Если будет очень плохо, она всегда сможет встать и уйти, никого не тревожа. Она нацепила очки в тонкой металлической оправе и внимательно оглядела зал и сцену, готовая придраться ко всему. Зачем Гленфилду понадобилось устраивать в этом году «нечто особенное»? Неужели нельзя было обойтись традиционным спектаклем местной театральной студии, на котором обычно присутствуют только родители актеров да ответственные учителя? Нет, этому мальчишке понадобилось созвать сюда полгорода. Все ученики, их друзья, родители, учителя, кое-кто из Городского Совета...

Люсинда Близард многозначительно хмыкнула. Скорее всего, Гленфилд старается для своих покровителей. Конечно, раз на должность директора назначили его, в обход более достойных преподавателей, ему нужно показать, что он достиг каких-то результатов... Хотя Мэттью Гленфилд уже более двух лет трудился в Марбл Хэйвен, миссис Близард до сих пор не могла простить ему свое разочарование.

– Простите, Люсинда, вы не возражаете, если я присяду рядом с вами? – раздался у нее над ухом негромкий мужской голос.

Миссис Близард инстинктивно отпрянула. Легко на помине! Стоит только о нем подумать, он выскакивает как черт из табакерки.

– Что вы, мистер Гленфилд, буду очень рада, – проговорила она, изображая на лице приветливую улыбку. – Но я думала, что директор школы займет более почетное место, чем это, у прохода...

– Здесь мне будет удобнее, – махнул рукой Мэттью. – Спасибо.

Он сел, чуть задев ее локтем. Миссис Близард слегка поморщилась. Если директор школы обладает такими манерами, то чего же ожидать от учеников?

– Так, пора начинать, – пробормотал себе под нос Мэттью.

Миссис Близард увидела, как из-за кулис показалась вихрастая голова Джимми Кольена. Гленфилд махнул рукой, и голова моментально скрылась. Через пару секунд складки тяжелого темно-синего занавеса дрогнули.

– У Кольена просто золотые руки, Люсинда, – шепнул Мэттью своей соседке. – Я уже отчаялся привести этот занавес в порядок, а он за час с ним разобрался...

Миссис Близард покачала головой. Два года назад этот Кольен своими умелыми руками вскрыл дверь ее кабинета и утащил несколько важных приборов. Его поймали, когда он пытался продать их на местном рынке. Инцидент удалось замять, но с тех пор Люсинда твердо знала, что этому Джимми доверять нельзя.

Тем временем занавес полностью открылся, и зрители дружно захлопали в ладоши. Школьную сцену было не узнать. Задник был сделан целиком из черного бархата, на котором мерцали вырезанные из блестящей фольги звезды. В центре сцены был возведен невысокий крутящийся подиум, к его краю были прикреплены фонарики, которые через равные интервалы вспыхивали яркими разноцветными огоньками. На прошлое Рождество эта сцена могла похвастать лишь вздыбленным скрипучим паркетом и пыльным занавесом с солидными проплешинами.

– Красиво, правда? – снова не выдержал Мэттью.

Миссис Близард издала какой-то неопределенный звук. Если этот молодой человек собирается комментировать все, то она вряд ли получит удовольствие от концерта.

На сцену вышла симпатичная темнокожая девушка в зеленом костюме с белоснежной блузкой. Строгость ее одеяния нарушал лишь традиционный красный колпак Санта-Клауса, который красовался у нее на голове. Это была Рэчел Синкли, лучшая ученица выпускного класса. Девушка держала в руках микрофон и весело улыбалась. В зале захлопали с удвоенной силой.

– Добрый вечер, дорогие гости, – начала девушка. – Рада видеть всех вас на рождественском концерте в нашей школе Марбл Хэйвен. Надеюсь, вам будет весело...

– Простите, мистер Гленфилд, а кто писал тексты для Рэчел? – тихо спросила миссис Близард, наклонившись к Мэттью.

– Не знаю, – пожал плечами он. – Наверное, она сама с помощью ребят.

– То есть вы их не проконтролировали? – уточнила Люсинда.

– Это их вечер, – сдержанно ответил Мэттью.

С видом крайнего удовлетворения миссис Близард откинулась на спинку стула. И так, она уже знает, что из концерта ничего хорошего не выйдет.

На сцене Рэчел закончила приветственное слово и пригласила первых участников. Выбежала группка девушек в коротеньких красных юбочках с белой опушкой. Заиграла веселая музыка, и девушки запели рождественскую песню, пританцовывая в такт и хлопая в ладоши.

Миссис Близард немного смягчилась. Хорошие девочки, приличная песня. Юбки, правда, коротковаты, но в наше время о нравственности совсем позабыли.

Девушек проводили бурными аплодисментами. Мистер Гленфилд старался больше других, и Люсинда Близард заметила, что выступающие бросали порой в его сторону весьма многозначительные взгляды. А как может быть иначе, если директор так неприлично молод?

Номером два шел Луиджи Брегватти. Луиджи был признанным мастером пародий. За десять минут он успел изобразить видного вашингтонского политика, голливудского актера, губернатора штата. Зал покатывался со смеху. Луиджи очень старался, и всем хотелось поддержать его. Но особенно бурный восторг вызвали его пародии на некоторых преподавателей Марбл Хэйвен. Больше всего досталось Мэттью Гленфилду, но шутник задел и многих других. Люсинды Близард в их числе не было, однако это не помешало ей почувствовать себя оскорбленной.

– Мистер Гленфилд, вы знали об этом безобразии? – сухо спросила она своего соседа.

Мэттью, который хохотал громче всех в зале, ответил не сразу.

– Вы считаете нормальным, что учителей позорят со сцены? – упорствовала миссис Близард.

– Это всего лишь шутка, Люсинда. Хорошая шутка. У Луиджи настоящий талант.

Что тут можно было поделаться? Миссис Близард горестно вздохнула. Оставалось только надеяться, что кто-нибудь из родителей догадается пожаловаться в попечительский совет школы на оскорбительное содержание рождественского концерта... Однако по всей видимости рассчитывать на это не приходилось – зрители стонали от смеха, глядя на проворного Луиджи.

Один номер сменялся другим, что-то было очень интересно, что-то попроще, но никому не было скучно. Артисты за кулисами испытывали все муки волнения, родители переживали, видя своих детей на сцене, а Мэттью Гленфилд страдал и как участник, и как зритель, и как организатор концерта. Каждую неудачу он воспринимал как личное поражение. Люсинде Близард были хорошо видны его стиснутые кулаки. При каждом промахе своих воспитанников он ударял кулаком по колену, и миссис Близард вздрагивала, боясь, что когда-нибудь он может перепутать свое колено с ее.

– Как известно, в этом году в нашей школе очень популярны всевозможные дуэты, – громко сказала ведущая.

Школьники ответили дружным хохотом. Миссис Близард скривилась. Явный намек на то, что по ее инициативе в этом учебном году стали проводиться семинары по межпредметным связям. Биология и физкультура, американская литература и химия – они объединяли порой совершенно несовместимые вещи. Какое право эти дети имеют высмеивать столь полезное начинание!

Волна горечи поднялась в худой груди Люсинды. Несомненно, все это с подачи нашего дорогого директора...

– Но сейчас я хочу представить вам самый удивительный и прекрасный дуэт этого года! – продолжила Рэчел. – Встречайте: Лилиан Монтегью и Роджер Биллингем.

Люсинда Близард подалась вперед. Неужели на не ослышалась? Преподаватель на сцене вместе с учеником? Мыслимое ли дело?

Полились медленные плавные звуки песни. На сцену вышел крупный молодой человек в смокинге. Его черные волосы, зачесанные назад и приглаженные

гелем, блестели в свете софитов. Это был Роджер Биллингем, увалень и недотепа, вечно вызывающий град насмешек. Но сейчас никто и не думал потешаться над ним – его массивная фигура, затянутая в строгий костюм, смотрелась очень солидно на бархатном фоне.

Роджер поднес микрофон ко рту и запел. Это была великолепная любовная песня. Сильный и глубокий голос Биллингема заполнил весь зал. Роджера слушали с открытыми ртами, так как в школе никто и предположить не мог, что у него такой прекрасный голос.

Он допел первый куплет, и на подиум вышла светловолосая женщина в серебристом вечернем платье. Она выглядела едва ли старше Роджера, хотя на самом деле ей было около тридцати лет. Биллингем протянул ей руку, и она сошла с подиума. Они запели вместе. У женщины был необыкновенно приятный голос, высокий и чистый, который идеально гармонировал с баритоном Роджера. Зал замер в немом восхищении – пожалуй, этот номер был достоин и более роскошной сцены, чем в Марбл Хэйвен...

Миссис Близард была шокирована до глубины души. Лилиан Монтегью появилась в их школе в начале учебного года. Скромная тихая девушка, учитель математики, на первый взгляд ничего особенного. Однако Лилиан удавалось справляться с самыми буйными классами. Миссис Близард несколько раз посетила ее уроки с инспекцией и была вынуждена признать, что у девушки неплохо получается. Может быть, где-то она была недостаточно строга с этими оболтусами, но в целом Лилиан работала хорошо.

И вдруг это возмутительное выступление. Люсинда Близард прищурилась. Платье Лилиан было сильно декольтировано и плотно облегалo ее стройную талию. К счастью, юбка была длинной и пышной, но миссис Близард все равно неодобрительно покачала головой. Распевать с учеником легкомысленные песенки недопустимо. Нахал Биллингем держит ее за руку и умильно заглядывает ей в глаза, изображая любовный пыл. Какое бесстыдство! И куда только смотрит директор!

Люсинда скосила глаза на Мэттью. Куда он смотрит, было яснее ясного – на Лилиан. Застывшее на его лице восхищенное выражение о многом сказала ей. Итак, господин директор не только одобряет это безобразие, но еще и любит им! Люсинда поерзала на месте. Как горят глаза Гленфилда! Ни один номер не вызывал у него такого восторга. Можно подумать, он написал эти стихи или

сочинил музыку... Господи! Миссис Близард так резко выпрямилась, что ее сумочка упала на пол. Как же она сразу не догадалась... Она наклонилась, поднимая сумочку и одновременно вспоминая тысячи мелких эпизодов, которым она была свидетельницей. Конечно, Гленфилд всегда вел себя безупречно. По крайней мере, в ее присутствии. Но чем больше Люсинда думала об этом, тем сильнее была уверена в том, что Мэттью Гленфилд равнодушен к Лилиан Монтегью.

Лили кралась по длинному темному коридору, аккуратно огибая препятствия в виде старинных рыцарских доспехов. Не то чтобы в этом была какая-то необходимость – в этом крыле дома никого не было, а слуги находились слишком далеко, чтобы что-либо услышать. Осторожность была у нее в крови. В ее профессии избыток осторожности был обязателен. Беспечным не удавалось продержаться долго, они попадали в расставленные полицией ловушки и исчезали из жизни Лили как минимум на несколько лет, а порой навсегда.

Впереди забрезжил огонек. Свет пробивался в щель под дверью одной из комнат в конце коридора. Лили с облегчением вздохнула. Кажется, она на месте. Но девушка не ускорила шаг. В конце концов, у нее в запасе полно времени. Через несколько минут она подошла к комнате, приложила ухо к двери и прислушалась.

В комнате кто-то был – она услышала шаги, потом звук открывающегося шкафа и позвякивание стекла. Лили насторожилась, но тут до ее слуха донеслось негромкое пение, скорее мурлыканье. Человек напевал себе под нос арию из «Фигаро» и отчаянно фальшивил. Лили невольно улыбнулась. Петть так бездарно может один-единственный человек в мире.

Девушка медленно повернула ручку и открыла дверь.

– Привет, Алан, – сказала она негромко, входя в комнату.

Спиной к ней у небольшого круглого столика стоял высокий мужчина в темно-зеленой униформе, отделанной золотистым кантом. На секунду Лили напряглась, но мужчина быстро повернулся, и она окончательно убедилась в правильности своей догадки.

- Тебя не узнать в этом наряде, - усмехнулась девушка.

Но на самом деле Лили покривила душой. Алана Паркмена можно было узнать, несмотря на грим и костюм слуги. Ему следовало бы повнимательнее отнестись к своему внешнему виду, с неодобрением отметила она. Мужчина улыбнулся, поднял высокий хрустальный бокал, наполненный напитком нежно-розового цвета, и одним залпом выпил его. Лили покачала головой.

- Ты ведешь себя неосторожно.

Мужчина поставил бокал на столик и помахал девушке рукой, затянутой в белоснежную перчатку.

- Как видишь, все продумано. Слуга лорда Уэзерби может беспрепятственно пробовать коллекционные напитки своего хозяина.

Девушка промолчала. Паркмен неисправим. Но пора было приниматься за дело. С ближайшего кресла она стянула плотную темно-коричневую накидку, скатала ее в тугий валик и положила на пол у двери, заткнув щель. Затем достала из сумки, которую принесла с собой, мощный фонарик и выключила свет в комнате.

- Полный интим, - прозвучал голос мужчины. - Лили, крошка, ты не боишься оставаться со мной наедине?

Если она чего и боялась, так это неожиданного вторжения со стороны, и Алан прекрасно это знал. Однако не шутить он не мог.

- Где? - тихо спросила девушка.

Алан подошел к стене, на которой висел портрет в массивной раме. Луч фонарика следовал за ним.

- Видишь, Лили, как банально, - заметил мужчина, снимая портрет.

За картиной располагалась квадратная дверка стального сейфа. Лили подошла ближе. Незнакомая модель. Придется потрудиться.

– Пододвинь сюда столик, – шепотом сказала она.

Мужчина повиновался. Она положила на столик сумку и широко раскрыла ее. Там лежали все необходимые инструменты. С их помощью Лили могла вскрыть любой сейф в стране, а, может быть, и за ее пределами.

Девушка приступила к работе. Фонарик она прикрепила к стене и направила луч света прямо на сейф. Алан не мешал ей. Он неслышно вышагивал по комнате, время от времени подходил к двери и прислушивался к тому, что происходит в коридоре. Но он знал, что волноваться не из-за чего. В это время все слуги в доме спят крепким сном. Он хорошо изучил их распорядок дня – целых четыре месяца проработал на этой вилле вторым помощником дворецкого. Но теперь, слава Богу, его рабский труд закончен, и он получит заслуженное вознаграждение. И кое-что побольше жалких грошей, определенных ему в жалованье.

Через час напряженной работы Лили почувствовала, что она близка к цели. Сейф оказался крепким орешком, но у нее был настоящий талант. Недаром Сэм Большая Рука уже в пятнадцать лет пророчил ей большое будущее. С тех пор прошло десять лет, и Лили не обманула ожиданий Сэма. На ее счету было несколько дюжин чрезвычайно ловких ограблений, и, что было более важно, копы не имели ни малейшего представления о Лили-плутовке. Она всегда была чрезвычайно осторожна и не желала рисковать ничем. Алан Паркмен, с которым Лили в последнее время часто работала, подшучивал над ней, говоря, что она никогда не добьется настоящего успеха.

– Наша профессия требует нахальства, Лили. Без него и готовности рисковать ты далеко не уйдешь.

Но Лили оставалась при своем мнении. Это нахальство уже два раза приводило Алана в тюрьму. Она предпочитала обходиться минимальным риском, и пусть ее доходы не соответствовали ее выдающемуся талантам. Так Лили чувствовала себя спокойнее.

– Готово, – произнесла девушка наконец и вытерла пот со лба.

Алан тут же подскочил к ней. Лили повернула ручку сейфа, раздался громкий щелчок, и дверца открылась. Алан витиевато выругался. Лили знала, что таким

образом он всегда демонстрирует крайнее удивление.

А удивляться было чему. Сейф, на первый взгляд такой маленький и незначительный, оказался очень глубоким. Там было две полки, и верхняя была доверху заполнена тугими пачками банкнот. Алан вытянул одну – купюры были стодолларовые, увязанные в пачки по сто штук.

– Десять кусков, обалдеть, – ахнул он.

Лили молча протянула ему темный полотняный мешок. Алан принялся выгребать деньги из сейфа. Сама Лили занялась нижней полкой, где стояли плоские бархатные коробки различной формы. Несомненно, фамильные драгоценности Уэзерби, собственно говоря, то, что привело их сегодня в этот дом. Она взяла верхнюю коробку и открыла ее. В свете фонарика перед ней заискрилась длинная нитка крупного морского жемчуга. Лили провела пальцем по гладкой поверхности жемчужин. Какая красота... Через секунду коробка уже лежала в другом полотняном мешке, вроде того, который Алан наполнял банкнотами.

Не прошло и пяти минут, как все было закончено. Алан закрыл сейф и вернул картину на место. Лили проворно сложила инструменты в сумку, туда же отправились мешки с добычей. Сумка заметно потяжелела.

– Сматываемся отсюда, – хрипло сказал Алан.

Лили поморщилась. Как будто есть необходимость говорить об этом!

– Я понесу, – произнес он, когда она закинула ремень сумки на плечо.

– Хорошо.

Они вышли из комнаты. В коридоре по-прежнему было тихо. Крадучись, они возвращались по тому же пути, каким пришла Лили. Путь через крыло, где спали слуги, был для них теперь закрыт. Они спустились на первый этаж в комнату с разбитым окном, через которое в дом проникла девушка. Они без проблем выбрались наружу...

– Черт возьми, это не люди, а форменные идиоты, – презрительно расхохотался Алан, когда они с Лили благополучно сидели в своем «пontiаке» и на всех парах уносились от виллы Уэзерби. – Иметь такую кучу денег и не позаботиться о надежной охране!

– Мы хорошо подготовились, а они слишком полагались на свой сейф, – заметила Лили, не отрывая глаз от дороги. Она сидела за рулем, и ей нужно было быть внимательной.

– Неужели им трудно было хотя бы собак в парк выпустить? – смеялся Алан. – Один несчастный старый дог в конуре у задней двери, и пара идиотов-охранников у ворот...

– Ты забыл про ток, который пускают по верху забора, – напомнила Лили. – Справиться с ним было не так просто.

– Мда, пожалуй, – согласился Алан, – но все равно это была легкая работенка.

После четырех месяцев работы в доме Алану было нетрудно выяснить, кто, когда и как включает ток. Отключить его в эту конкретную ночь было делом пары минут. Лили оставалось лишь с помощью веревки и крюка перескочить через забор и присоединиться к нему.

– Только подумать, Лили, драгоценности Уэзерби у нас, в этой сумочке. – Алан любовно потряс сумку девушки, которую по-прежнему сжимал в руках. – Сэм кучу бабок нам за них отвалит.

– Обычная ставка, – лаконично сказала Лили.

Лицо Алана вытянулось.

– Обычная ставка за такой товар? Ты в своем уме? – воскликнул он.

– Сэм больше платить не будет.

– Отлично. Тогда пусть забирает стекляшки, а денежки поделим между собой. Он же о них ничего не знает, так что...

– Не стоит обманывать Сэма, – покачала головой Лили. – Газетчики наверняка пронюхают и о деньгах, и о драгоценностях. Сэму это не понравится.

– Чихал я на Сэма, – фыркнул Алан. – С такими деньжищами можно завязать с ремеслом и начать новую жизнь. Махнем с тобой, Лили, куда-нибудь на острова, выстроим бунгало, родим детишек и заживем как люди... Ты ведь хочешь этого, да, девочка моя?

Голос Алана стал вкрадчивым. Он протянул руку и дотронулся до шеи девушки. Лили недовольно мотнула головой. Алан способен камень разжалобить, если ему это понадобится...

Но ее он больше не проведет. Только подумать, сколько всего она натерпелась из-за него! Когда они познакомились четыре года назад, она влюбилась в него как девчонка, хотя уже немало повидала в жизни. Но Алан Паркмен был так красив, его блестящие карие глаза и небрежные манеры джентльмена сразили ее наповал.

Чем Алан и не замедлил воспользоваться. Потом Лили поняла, что он обычный болтун и бабник, на которого нельзя было положиться ни в любви, ни в работе. Разочарование было горьким, но Лили было не привыкать к ударам судьбы. Постепенно ее горячая любовь сошла на «нет», и Лили старалась по возможности избегать общения с Аланом. За исключением, конечно, рабочих моментов, таких, как сейчас. Грабитель из Паркмена был никудышный, зато ему не было равных в искусстве втираться в доверие. Алан очаровывал женщин всех возрастов, умел найти подход к их мужьям, отцам и сыновьям. Он обладал счастливой способностью за десять минут становиться своим в любой компании. А потом, когда что-нибудь пропадало, никому и в голову не приходило заподозрить этого славного рубаху-парня.

Все же Сэм Большая Рука был не очень доволен им. Алан был болтлив, любил женщин и выпивку и порой рассказывал больше, чем было нужно. Пару раз он был настолько близок к провалу, что Сэм уже собрался отстранять его от дел. Но заступничество Лили неизменно спасало Алана. Она знала, что он нужен им. Как бы они смогли проникнуть на виллу Уэзерби без него и так хорошо пожить? Правда, с Аланом всегда надо было готовиться к неприятным сюрпризам. Как, например, сейчас...

– Сэм получит все, – безапелляционно отрезала Лили, поворачивая на юго-восток. – Иначе у тебя будут проблемы.

Алан прекрасно понял ее. «У тебя будут проблемы». Значит, она не собирается помогать ему и сразу донесет шефу, если он вздумает выкинуть что-нибудь. Дуреха! Сэм бессовестно использует ее. Она делает всю грязную работу, а он кидает ей жалкие крохи. Как можно довольствоваться малым, когда можешь получить все? А еще ее называют Лили-плутовкой... Словно в насмешку.

– Лили, дорогая, мы же почти ничем не рискуем, – попробовал Алан еще раз. Он еще помнил, что девочка по нему с ума сходила, и рассчитывал, что сохранил какое-то влияние на нее. – Неужели тебе не надоело взламывать сейфы? В один прекрасный день ты попадешься и сядешь в тюрьму. Кто-нибудь обязательно выдаст тебя, и копы разорвут тебя на части. Пока не поздно, надо остановиться...

Лили усмехнулась. Еще год назад она бы обязательно купилась на эти сладкие речи. Но теперь Алану веры нет.

– Лучше положи сумку на заднее сиденье, Алан, – сказала она холодно. – Иначе, боюсь, я буду вынуждена сообщить Сэму о твоём поведении.

Алан грязно выругался, но он слишком хорошо знал, что с Лили спорить бесполезно. Он развернулся и кинул сумку назад. Она шлепнулась с глухим звуком.

– Довольна? – злобно спросил он.

Лили кивнула и увеличила скорость. Серый «понтиак» как призрак летел по ночному пустынному шоссе.

2

– Итак, вы хотите работать в Марбл Хэйвен? – спросил Мэттью, задумчиво глядя на сидевшую перед ним девушку.

Скромное, застенчивое создание с хорошими манерами и кроткой улыбкой. Идеалистка и мечтательница, наверняка краснеющая из-за каждого бранного слова, сказанного в ее присутствии.

– Да, мистер Гленфилд, – кивнула она. – Мне кажется, я смогу быть вам полезной.

Невеселая усмешка тронула губы Мэттью. Эта хрупкая девушка слишком много на себя берет. Им скорее пригодился бы двухметровый громила с пудовыми кулаками, один вид которого наводил бы на всех страх. Хотя, конечно, она же не знает, что ожидает ее в Марбл Хэйвен...

– В Спринг-Бэй еще четыре школы. Почему вы решили прийти именно к нам?

– В остальных школах мне отказали, – призналась девушка и захлопала глазами. – Там сказали, что у меня недостаточно опыта.

Мэттью кивнул. Что ж, по крайней мере, честно. Он снова взял в руки ее диплом. Лилиан Монтегью, тридцать лет. Ни за что бы не дал ей тридцать, отметил он про себя. В своем сером костюмчике, с аккуратно причесанными короткими светлыми волосами она смотрелась совсем девчонкой, ненамного старше учениц школы. Высшие Педагогические Курсы Липпингхоля, Педагогическое отделение Чикагского Университета. Не особенно впечатляет. Неудивительно, что в других школах Спринг-Бэя ее встретили без энтузиазма. Но им в Марбл Хэйвен выбирать не приходилось – преподавателей катастрофически не хватало. Именно сейчас им позарез нужен математик. Две недели назад от них со скандалом ушла Марион Карт, а ведь он предупреждал ее, что ее стиль преподавания до добра не доведет. Учебный год только начался, а полшколы сидит без математики. Очень кстати пришла к нему сегодня это девочка, очень кстати. Вот только по плечу ли ей будет эта ноша?

– Должен сразу сказать вам, мисс Монтегью, что работать в Марбл Хэйвен нелегко, – вздохнул Мэттью. – Многие наши ученики пришли к нам после того, как их выгнали из других школ города...

– Совсем как я, – негромко заметила девушка.

Мэттью рассмеялся. Хорошо, что она умеет шутить. Иначе здесь нельзя.

- Думаю, что вы наслушаетесь еще всяких страшных историй от других преподавателей. О том, как с этими детьми работать невозможно, о том, как они превращают каждый день в ад и...

- Но вы же работаете, - снова перебила его Лилиан.

В ее словах прозвучал явный вопрос - если здесь так трудно, почему ты до сих пор в Марбл Хэйвен?

- Я? Да... - Мэттью потрепал рукой свою пышную шевелюру. - Но я другое дело...

- Дайте мне шанс, мистер Гленфилд, - твердо сказала девушка. - Если я вам не понравлюсь, вы всегда сможете меня уволить.

Мэттью только рот раскрыл. Какая категоричность! Если я вам не понравлюсь! Проблема совсем не в том. Она ему как раз очень даже нравится. Но вот каково ей придется в Марбл Хэйвен...

- Отлично, мисс Монтегью. Считайте, что вы приняты. Чуть позднее познакомлю вас с нашим завхозом, она подскажет насчет жилья... Надеюсь, потом вы не будете сердиться на меня за то, что я не выгнал вас.

Лицо девушки просияло, отчего она сразу стала очень хорошенькой.

- Благодарю вас, мистер Гленфилд, - прошептала она, прижимая руки к груди. - Вы даже не представляете себе, как много это для меня значит.

Мэттью смущенно закашлялся.

- Не стоит благодарности, - пробормотал он, чувствуя, что на щеках заалели предательские пятна волнения. - Если у вас возникнут какие-нибудь проблемы, немедленно обращайтесь ко мне.

- Спасибо.

Мэттью проводил Лилиан до двери своего кабинета, а потом смотрел, как она неспеша идет по коридору к лестнице. Походка у нее была что надо – не вульгарное мотание бедрами и не жалкое шарканье ногами. Она шла с очень прямой спиной и высоко поднятой головой, и ее красивые стройные ноги словно рисовали на полу четкую прямую линию...

Тьфу, черт, этого еще не хватало, выругался про себя Мэттью, когда осознал, что несколько минут как замороженный пялится на ноги Лилиан Монтегью, которые, между прочим, были прикрыты весьма скромной юбкой ниже колена.

У Мэттью были все основания предупреждать Лилиан относительно Марбл Хэйвен. Эта школа издавна пользовалась в Спринг-Бэй дурной славой. С самого начала повелось так, что ее посещали все самые буйные и неуправляемые дети города. В обеспеченных семьях родители угрожали своим непослушным отпрыскам переводом в Марбл Хэйвен. Только люди с очень крепкими нервами могли работать там, и неудивительно, что учителя в этой школе менялись очень часто. Городской Совет неоднократно пытался сделать что-то с этим пятном на славной репутации Спринг-Бэй. Одно время думали даже о закрытии Марбл Хэйвен, но, в конце концов, хулиганам тоже надо где-то учиться, и школа получила право на существование.

Кое-что стало меняться, когда в Марбл Хэйвен пришел Мэттью Гленфилд. Мало кто в городе знал, откуда он взялся. Просто однажды в Спринг-Бэй въехал черный потрепанный «бьюик», за рулем которого сидел симпатичный молодой человек в ковбойской шляпе. Он подъехал сразу к зданию Городского Совета и прошел прямо в кабинет председателя. Через час он вышел оттуда директором средней школы Марбл Хэйвен, но нужно было подумать дважды, прежде чем торопиться с поздравлениями.

Появление Мэттью произвело настоящий фурор как в школе, так и в городе. В конце дня о нем знали все, что можно было выяснить, и эта отрывочная информация лишь подогрела интерес к его персоне. Гленфилд был специалистом в области американской и зарубежной литературы, много путешествовал и занимался научными исследованиями. Он закончил Гарвард с отличием (разве можно представить себе выпускника Гарварда в Спринг-Бэй? – ахали местные кумушки). Но самым главным и потрясающим известием стало то, что Мэттью Гленфилду тридцать два года, он холост и хорош собой.

В последнем обитатели Спринг-Бэй могли убедиться собственными глазами. Мэттью остановился в лучшей гостинице города, и рыжеволосая Пэгги Рональдс, которая регистрировала его прибытие, потом с придыханием рассказывала своим подругам:

– Он потрясающе красив! Высокий, широкоплечий, глаза голубые словно незабудки, а волосы как зрелая пшеница...

Пэгги, несомненно, отличалась поэтическим воображением. Но когда Мэттью позднее отправился знакомиться с городом и его окрестностями, все увидели, что он действительно высок и широкоплеч, с узкими бедрами и великолепно развитой мускулатурой. Его небольшие глаза, на самом деле ослепительно голубого цвета, с любопытством смотрели на все вокруг, а светлые кудри непослушно выбивались из-под ковбойской шляпы. Тип такого лица во всем мире принято называть американским – широкие скулы, небольшой прямой нос и твердая линия губ, мужественный подбородок и две продольные складки на щеках. Вроде бы ничего особенного. Но в Спринг-Бэй подобных мужчин не было, и местные дамы строили захватнические планы. Некоторые уже заранее жалели о том, что вскоре им придется расстаться с таким замечательным красавчиком, как Мэттью. Все были уверены, что в Марбл Хэйвен он долго не продержится. Впрочем, всегда была надежда на то, что ему так понравится в городе, что он решит остаться здесь, но сменить школу или вообще род занятий...

Однако они дважды ошиблись. Первый раз, когда предположили, что смогут взять Мэттью в оборот, а второй раз, когда предрекали ему скорое расставание с Марбл Хэйвен. Ни через месяц, ни через полгода, ни через год Мэттью не подал в Городской Совет заявления об увольнении, хотя все прекрасно знали, что ему приходится несладко. Мэттью работал как вол, и на второй год его пребывания в городе в Марбл Хэйвен начали происходить чудеса. Ему удалось оборудовать компьютерный класс, и оттуда не вынесли все оборудование в первый же день. Он закупил новые баскетбольные мячи для спортивного зала, и они все были в целостности и сохранности. Мэттью даже затеял ремонт школы, и самым изумительным было то, что ему удалось привлечь к нему учеников. В Марбл Хэйвен стало значительно чище и спокойнее, и работавшие там учителя вздохнули с облегчением. Нового директора уважали, любили и боялись, а, главное, боялись его потерять.

Однако если Мэттью превзошел все ожидания Городского Совета в качестве директора школы, то, к сожалению, ожидания прекрасной половины Спринг-Бэй

были им безжалостно обмануты. Он не только не торопился связать себя узами брака, но даже не желал завести себе подружку. Сколько симпатичных девушек по нему сохло – не сосчитать, да и многие замужние дамочки были бы не прочь скрасить его дни. Учителя в школе, ученицы Мэттью, их матери, сестры, подруги – все признавали, что стоит ему только захотеть, и любая упадет к его ногам. Но Мэттью был со всеми одинаково внимателен и дружелюбен и ловко избегал всех расставленных ловушек. Все это время он оставался желанной, но совершенно недоступной добычей, и тщетно первые красавицы города пытались привлечь его внимание...

Мэттью был слишком занят, чтобы крутить романы. Тем более, он дал себе зарок, что на работе точно не будет завязывать никаких отношений. Еще не хватало, чтобы вся школа следила за ним и какой-нибудь учительницей или, еще хуже, ученицей! И Мэттью мог служить образчиком истинного мужского равнодушия, оставаясь абсолютно холодным ко всем стандартным уловкам вроде мини-юбок или облегающих кофточек.

Этого еще не хватало! – с досадой подумал Мэттью, захлопывая дверь кабинета. Перед глазами у него по-прежнему стояла ладная фигурка Лилиан Монтегью. Не для того он два с лишним года приучал себя к воздержанию, чтобы сейчас пасть жертвой пары стройных ножек! Он здесь и не такого насмотрелся. Есть в Спринг-Бэй девушки покрасивее этой Лилиан.

Мэттью присел на край стола, достал из нагрудного кармана сигарету и закурил. В Марбл Хэйвен он безуспешно пытался избавиться от этой привычки. Иногда он мог неделями обходиться без сигарет, однако в минуты крайнего волнения ничего не мог с собой поделаться. Как всегда, табачный дым немного успокоил его. Ничего, подумал Мэттью, вряд ли эта хорошенькая девочка долго тут продержится. Мои крокодилы заживо съедят ее. С такими наивными блестящими глазами от школ надо держаться подальше, а от Марбл Хэйвен в особенности. От ее энтузиазма не останется и следа, и она сбежит к маме и папе...

Нельзя сказать, что эта мысль очень обрадовала его.

Утром они въехали в Колорадо. Алан отлично выспался, его храп «развлекал» Лили всю дорогу. Ей тоже не помешал бы хороший отдых, но она знала, что Алану доверять нельзя. Особенно сейчас, когда на заднем сиденье лежит целое сокровище. Если бы он не заговорил вчера о том, чтобы надуть Сэма, может быть, она и позволила бы себе поспать немного, но теперь об этом думать нельзя. При удачном раскладе они доберутся до места только к вечеру, и до тех пор она не имеет права передохнуть. Сутки без сна... Что ж, к такому Лили было не привыкать, но все же она предпочла бы более надежного партнера, чем Алан Паркмен.

Он не замедлил утвердить ее подозрения.

– Лили, детка, ты же всю ночь за рулем, – с притворной заботой произнес он. – Ты не думаешь, что нам пора поменяться?

Так как Алан в жизни не думал ни о ком, кроме себя, он ни на секунду не обманул девушку.

– Я в норме, – сдержанно ответила она.

Алан облизнул губы. Тон Лили ясно сказал о том, что настаивать бесполезно.

– Но перекусить нам не помешает обоим. Я ужасно есть хочу. Останови где-нибудь на заправке.

В бардачке у Лили валялись заплесневелые бутерброды, но она знала, что этого недостаточно. Ей самой нужен был глоток крепкого черного кофе, чтобы не заснуть прямо за рулем. Предполагалось, что она с Аланом поедят в каком-нибудь придорожном кафе, поэтому она не стала брать с собой нормальную еду, но кто же знал, что ему взбредет в голову обмануть Сэма и любая остановка будет для них опасной!

Через пару-тройку километров они увидели небольшую заправочную станцию. Алан оживился.

– Ох, я бы сейчас быка съел. – Он выразительно похлопал себя по животу. – Машину тоже не помешает заправить.

Лили остановилась. На заправке больше никого не было, и невысокий паренек в замасленном синем комбинезоне бросился к ним.

– Не хочешь прогуляться, дорогая? – небрежно предложил Алан. – Я разберусь тут, а ты иди в кафе и закажи что-нибудь на свой вкус. Я к тебе присоединюсь.

– Машину нельзя отставлять, – тихо сказала Лили. Не то чтобы их мог кто-то слышать – просто она всегда предпочитала разговаривать вполголоса. Никогда не знаешь, чьи любопытные уши окажутся неподалеку.

– Да, точно, – погрузился Алан. – Тогда принеси мне что-нибудь, ладно? Что-нибудь повкуснее...

Лили на секунду прикрыла глаза. Каков жук. Славно все устроил. Сейчас она выйдет из машины и оставит его наедине с аппетитной сумкой по меньшей мере минут на двадцать. Конечно, держи карман шире.

– Ты пойдешь в кафе, – произнесла она. – Принесешь мне яйца с беконом и два стакана черного кофе. Крепкого. Без сахара.

– Не доверяешь мне? – поморщился Алан. – Почему я должен доверять тебе?

Лили выразительно посмотрела на него.

– Ок, босс, как скажете, – с издевкой сказал он и вышел из машины.

Лили наблюдала за ним. Да, он способен провести кого угодно. Высокий спортивный парень в узких джинсах и темно-зеленой рубашке, расстегнутой на груди. Уверенная пружинящая походка, обаятельная улыбка, удачная шутка всегда наготове – никому и в голову не придет, что это беспринципный мелкий жулик, способный подставить ножку и чужим, и своим. Нет, Сэм сто раз прав – надо постепенно отстранять Алана от дела, иначе это чревато многими неприятностями...

Лили увидела, как из кафе вышла крупная женщина в цветастом платье. Она приложила руку ко лбу и разглядывала приближающегося Алана. Лили безошибочно почуяла интерес с ее стороны. Чутье никогда не подводило ее в

подобных случаях – еще недавно она сама сходила с ума по этому парню и отлично знала, как на него реагируют женщины. Что ж, удачи ему...

– С вас пятнадцать монет, мэм, – сказал парень в комбинезоне, подходя к ней. – У вас под капотом что-то гроыхает. Можете в любую минуту встать. Хотите, я посмотрю, в чем дело?

На его лицо крупными буквами было написано желание подзаработать. Но Лили разбиралась в машинах не хуже него. «Понтиак» был в прекрасном состоянии, и она не собиралась терять лишних десять минут на этой заправке.

– Спасибо, – мило улыбнулась она, – но это сущие пустяки. Подушка двигателя ослабла, отсюда и дребезжание. До Рино дотяну, а там разберусь.

Изумленная физиономия парня доказывала, что он не ожидал подобный ответ от того, кто выглядит, как Лили.

– В-вы механик, мэм? – пролепетал он.

– Что-то вроде того, – кивнула она и протянула парню еще пять долларов. – Это тебе.

– Спасибо, мэм, – пробормотал он и быстро спрятал купюру в карман.

При этом он боязливо оглянулся на кафе. Не волнуйся, захотелось сказать Лили, твоя хозяйка сейчас слишком занята, чтобы следить за тобой.

Парень отошел и принялся возиться с заправочными шлангами. Лили боролась с накатывающей дремотой и проклинала Алана. Наконец он появился в дверях кафе с небольшим подносом в руках. Где-то за его спиной маячило цветастое платье. Раньше одного намека на флирт со стороны Алана было достаточно, чтобы взбесить Лили, но сейчас ее интересовала только еда и кофе.

– Наконец, – сказала она, когда Паркмен протянул ей поднос.

Яичница была большой и аппетитной. Правда, бекон был жирноват, но Лили могла поесть любую пищу, поэтому она с жадностью накинулась на еду. Кофе

был противный и отдавал паленой резиной, но Лили выпила оба стакана до дна. Алан со скучающим видом смотрел в окно.

– Как хозяйка? – спросила девушка, вытирая руки о салфетку. Она чувствовала себя насытившейся и немного отдохнувшей. Кофе неизменно бодрил ее.

– Очень милая женщина, – бархатно хохотнул Алан. – Пропадает на этой заправке...

Лили усмехнулась. В этом весь Алан. И там пококетничал, и здесь не упустил возможности заставить ее ревновать. Вот только эти штучки теперь с ней не проходят.

– Мы все где-нибудь пропадаем, – сказала она, заводя машину. – Помаши рукой своей подружке.

Алан хмыкнул, но Лили не сомневалась, что он задет. Он до сих пор не мог привыкнуть к тому, что она больше не влюблена в него.

– Кстати, – вдруг сказал он, когда «понтиак» набрал скорость, – в кафе я видел утренний выпуск новостей, там говорилось об ограблении виллы Уэзерби.

– И что? – небрежно спросила Лили. У нее не было причин волноваться, и у Алана тоже.

– Пропала масса денег и драгоценностей, а также один из слуг. Старый Уэзерби очень влиятельный человек, все копы стоят на ушах. Естественно, подозревают слугу, говорят, что он направился на север.

– Что? – рассмеялась Лили. – Идиоты.

– В любом случае про нас ни слова, – самодовольно заключил Алан. – Ни про «понтиак», ни про тебя. Кажется, оба охранника мирно спали, когда мы с тобой через забор прыгали. Насколько я знаю Кэтрин Уэзерби, она их живьем съест...

Лили пожала плечами. Судьба охранников интересовала ее меньше всего.

– Видишь, я была права, они упомянули в новостях о деньгах, – назидательным тоном произнесла она. – Ой...

Глаза Лили внезапно застил туман. Она резко нажала на тормоз. Алан врезался лбом в стекло.

– Что ты делаешь? – закричал он сердито.

– Н-не знаю, – пробормотала Лили. – Со мной что-то происходит...

Она схватилась за голову. У нее все кружилось перед глазами, к горлу подступала тошнота.

– Я говорил, что тебе надо отдохнуть, – было последним, что Лили слышала перед тем, как потеряла сознание.

Очнулась она от того, что машину резко трянуло на ухабе. Лили с трудом разлепила веки. Голову страшно ломило, во рту была невероятная сухость. Она попыталась пошевелиться и не смогла. Она была надежно привязана ремнем безопасности к креслу пассажира. Алан рядом вел машину.

– Что происходит? – пролепетала она. Ее голос звучал хрипло, каждое слово причиняло боль.

– Очнулась наконец, – с ласковым упреком проговорил Алан. – Ты вырубилась, дорогуша, прямо посередине дороги, едва не угробив нас обоих. Я попытался привести тебя в порядок – бесполезно. Твой организм, видимо, решил как следует отдохнуть. Тогда я привязал тебя, чтобы ты не свалилась, и сам повел машину...

Звучало правдоподобно, но что-то не давало Лили покоя. Она отличалась прекрасным здоровьем и никогда не падала в обморок. Не спала всего лишь ночь, а ведь ей приходилось бодрствовать и больше. К тому же она выпила кофе, который всегда выручал в подобных случаях... В голове Лили словно что-то щелкнуло.

– Ты подсыпал мне в кофе какую-то гадость, – произнесла она. – Развяжи меня немедленно.

Алан сбавил скорость и осторожно отстегнул ремень безопасности. Девушка выпрямилась, потирая онемевшие руки. В висках стучало, но в целом она чувствовала себя намного лучше.

– Что ты мне подсыпал? – настаивала она.

– У тебя мания преследования, Лили, – вздохнул Алан.

Неубедительно вздохнул.

– Ты что-нибудь взял из сумки? – спросила Лили с угрозой.

Они были одни на дороге, вдвоем в машине, хрупкая девушка и крепкий сильный мужчина. Он в два счета мог справиться с ней. Но когда он ответил, в его голосе прозвучал испуг.

– Что ты выдумываешь, Лили? Вчера у тебя был тяжелый день, и ты переутомилась. Я заботился о тебе, а ты меня оскорбляешь...

Лили обернулась и посмотрела на сумку на заднем сиденье. Вроде бы все, как было. Проверять бесполезно. Во-первых, она не знает точного размера добычи, и если у Алана хватило ума не выгребать все, она не поймает его. А во-вторых, ей не хотелось лишний раз дразнить его видом всех этих купюр и коробок с драгоценностями. Алан был слишком слаб. Рисковать Лили не могла.

– Ладно, – нехотя пробормотала она. – Но если ты что-нибудь взял, ты покойник. Сэм не прощает такого. Лучше положи на место.

Алан напустил на себя вид оскорбленной добродетели. Лили не верила ему, но взывать к его совести и разуму было бесполезно. У Алана Паркмена не было ни того, ни другого. Если четыре года работы на Сэма Большую Руку ничему его не научили, он безнадежен.

– Я тебя предупреждала, – вяло сказала Лили, устраиваясь поудобнее.

Раз непоправимое уже произошло, нет смысла дальше истязать себя. Наверное, она должна быть ему благодарна за то, что он не отравил ее, а лишь на пару часов вывел из строя. В любом случае больше работать с ним в паре она не будет. Сэм поймет.

Лили закрыла глаза, и через минуту уже мирно спала, отложив решение всех проблем на потом, когда они придут в Уэст Пойнт Лок, к Сэму.

3

В тот день, когда Лилиан Монтегью давала свой первый урок, Мэттью места себе не находил. Собственно говоря, у него не было ни одного повода для волнения. Его задача заключалась лишь в том, чтобы официально представить Лилиан ученикам, а затем оставить ее с ними один на один. Мэттью хорошо представлял себе, какими гадостями встретят новенькую его питомцы. Многие ему удалось сделать в этой школе, однако превратить учеников Марбл Хэйвен в примерных послушных студентов было практически невозможно. Новый учитель, да еще такой молоденький и симпатичный, был их законной добычей. Лилиан придется выдержать не один бой, прежде чем они примут ее.

Если вообще примут.

Завхоз миссис Криджес устроила Лилиан в общежитии для учителей. Судя по всему, у девочки было негусто с деньгами, и Мэттью был рад, что может помочь ей хотя бы с жильем. На следующий день Лилиан пришла в школу, и он устроил для нее небольшую экскурсию. Насколько мог, Мэттью попытался скрасить действительность. Он провел ее по коридорам, когда дети сидели в классах. Он не показал ей туалеты с разбитыми мойками и изрисованными стенами. Он не повел ее на спортивную площадку, единственным достоянием которой было баскетбольное кольцо на щите. Но длинные узкие коридоры, унылые ряды металлических школьных шкафчиков, кабинет математики, где на каждой парте красовалось вырезанное ножом неприличное слово, скудный инвентарь – все это Мэттью пришлось показать. В этот день он смотрел на Марбл Хэйвен глазами Лилиан Монтегью и корчился от злости и разочарования. Сколько усилий и почти впустую! Лилиан не знает, через что ему пришлось пройти в этой школе, она не

видела выбитые стекла и покосившиеся двери, поломанные стулья и парты, непригодные доски... По сравнению с тем, что было, школа сейчас просто красавица, но ведь Лилиан ничего этого не знает!

Но девушка отличалась хорошей выдержкой. Она не делала изумленные глаза и не вздрагивала в ужасе, а с интересом оглядывалась и внимательно слушала Мэттью. Лилиан Монтегью явно была не из пугливых, что с трудом можно было предположить, глядя на ее внешность.

Лилиан производила впечатление, что называется, милой девочки из хорошей семьи. Она была тихой, скромной, безукоризненно воспитанной. Говорила негромко и неспеша, улыбалась, смущенно опуская глаза. Сегодня на ней было недорогое коричневое платье с широким кожаным поясом и туфельки на небольшом каблучке. Светлые волосы были аккуратно заколоты по бокам, косметики на лице Лилиан почти не было. Мэттью мог поклясться, что в ее сумочке лежит крохотный футлярчик с очками в тонкой оправе, и что она непременно будет заикаться от страха, когда ей в первый раз придется выступать перед классом.

Сердце его сжималось от жалости. Как эти люди не захотели взять ее в Спринг-Бэй Грамма Скул или в Три Хай Скул! Она бы отлично справилась с мальчиками в строгой школьной форме и примерными девочками с косичками. Подумаешь, она всего три года преподавала одиннадцати-двенадцатилетним детям! Как можно заработать приличный опыт, если они не дали ей шанса? Должно быть, ей позарез нужны деньги, раз она решила наняться в Марбл Хэйвен... Не может быть, чтобы ее как следует не предупредили в Городском Совете.

- Послушайте, Лилиан..., - вздохнул Мэттью. - Мне надо с вами поговорить.

Когда краткая экскурсия была закончена, Мэттью задержал девушку в своем кабинете. Он указал ей рукой на стул с высокой спинкой, она с готовностью присела. Мэттью подошел к окну. Кабинет директора был очень мал и завален всяким хламом вроде старых географических карт и порванных книг. Мэттью неоднократно собирался переехать в комнату попроще и попросторнее, но каждый раз что-то останавливало его. Он любил свой кабинет, большой стол с поцарапанной полированной поверхностью, стеллажи с книгами, мягкое кресло на скрипящих шарнирах, любил смотреть в окно и видеть ребят, играющих в баскетбол на школьной площадке. Одним словом, привязанность неизменно пересиливала все соображения статуса, и хотя завхоз миссис Криджес все время

ворчала, что директору школы несолидно иметь такой кабинет, Мэттью никуда не переезжал.

– Надеюсь, вы составили себе представление о Марбл Хэйвен, – сказал он после небольшой паузы. – Что вы теперь думаете о работе здесь?

– Я еще здесь не работала и ничего не знаю, – спокойно ответила Лилиан и подняла голову. Ее серые глаза не дрогнув выдержали его взгляд.

– Вам придется нелегко.

– Вы меня пугаете, мистер Гленфилд? – Девушка чуть улыбнулась.

– Никаких мистеров, пожалуйста, в отсутствии учеников, – махнул он рукой.

Ее хладнокровие настораживало его. Неужели девочка до конца не понимает, во что она ввязывается? Если это так, то завтра, после ее первого урока, его ждет фонтан слез и роль утешителя.

– Мэттью, – поправилась девушка. – Я не могу ничего обещать вам. Я не знаю, справлюсь ли я или нет. Но я попробую. Мне очень нужна эта работа.

Голос Лилиан дрогнул. Он мог бы растопить и каменное сердце. Сердце Мэттью было вполне нормальным, и он капитулировал.

– Хорошо, Лилиан, я желаю вам успеха завтра. Не волнуйтесь, и помните, что они всего лишь дети. Если вы продержитесь первое время, то потом станет легче.

Она смотрела на него с благодарностью, и Мэттью поймал себя на мысли о том, что ему очень хочется, чтобы эта спокойная девушка осталась работать в Марбл Хэйвен. Если они подстроят ей какую-нибудь пакость, подумал он решительно, я их всех в порошок сотру.

Но вышло так, что Мэттью не смог представить Лилиан школьникам. После первого урока ему позвонили из полицейского участка и попросили срочно подъехать. Кажется, кого-то из учеников поймали на краже в магазине.

Естественно, первый, кого им пришло в голову вызвать, был директор Марбл Хэйвен. Мэттью почти привык к подобным звонкам, но сегодня ему особенно важно было оставаться в школе... Он уехал в участок, даже не предупредив Лилиан. Он прекрасно отдавал себе отчет в том, что в его отсутствие защитить ее будет некому, но изменить что-либо был не в состоянии.

Математика была третьим уроком для Джимми Кольена. Компания Джимми по праву пользовалась репутацией самых отъявленных школьных хулиганов. С первого дня в Марбл Хэйвен они отвратительно учились, сквернословили, курили марихуану в туалете, срывали уроки, били стекла и доставляли массу других неприятностей как преподавателям, так и жителям города.

С приходом Мэттью Гленфилда ситуация постепенно начала меняться. Кое-то из старших ребят отправился в исправительную колонию, кто-то попробовал более серьезные наркотики и надолго угодил на больничную койку. Это помогло остальным опомниться. Мэттью пытался достучаться до их сердец, и хотя ему не удалось за два года превратить их в ягнят, он сумел добиться того, что они стали посещать все занятия и перестали хамить учителям в глаза. Джимми Кольен, признанный вожак, уважал Мэттью, и сейчас у него почти не было проблем с этим мальчишкой.

Однако это вовсе не означало, что Кольен точно так же относился к другим преподавателям. Его уважение еще нужно было заслужить, и Джимми не раз похвалялся своим близким друзьям, что не родился еще человек, который смог бы с ним справиться. Кроме, разве что, мистера Гленфилда.

О том, что у них будет новый учитель математики, ребята узнали утром. Сара Джигс, известная школьная сплетница, рассказывала стайке девчонок, что видела новую учительницу вместе с директором. Судя по словам Сары, она была тощенькой, бледненькой и плохо одетой, мало похожей на настоящую учительницу вроде длиннющей Люсинды Близард с крючковатым носом или Мелани Страут с необъятной талией и голосом церковного колокола.

Джимми ощутил приятный холодок предвкушения. Он не собирался издеваться над новенькой, ни в коем случае. С этим давно покончено. Мистеру Гленфилду явно придется не по вкусу, если он вздумает повторить свои старые шутки вроде обливания учителя краской или подкладывания крыс в сумку. Но показать характер и устроить ей пару-тройку испытаний он обязан. Пусть с самого начала поймет, кто такой Джимми Кольен...

Прозвенел звонок на третий урок, все ринулись к кабинету математики. Джимми неторопливо шел в конце. Он уже побывал тут и немного поэкспериментировал с дверным замком. Элементарный прием, доступный любому первокласснику. Удивительно, сколько учителей на памяти Джимми впадало в истерику, когда на их первом уроке дверь кабинета никак не желала открываться.

Ждать Джимми пришлось недолго. К группе подростков, галдящих возле закрытой двери, подошла незнакомая светловолосая молодая женщина. На ней была расклешенная клетчатая юбка и бледно-желтый свитер. Подмышкой она держала потрепанный кожаный портфель. Джимми даже чуть расстроился – вывести такую мышку из себя пара пустяков, никакого интереса.

Женщина подошла к двери, всунула ключ в замочную скважину и попыталась повернуть его. Безрезультатно. Она дернула за ручку, дверь только заскрипела. Джимми ухмыльнулся. Он мог точно предсказать, что будет дальше. Сейчас она вытащит ключ, повертит его в руках, снова вставит его, повернет в другую сторону. Затем она жалобно оглянется на хихикающих подростков и, может быть, попробует попросить их о помощи. Потом побежит за завхозом, если, конечно, уже успела узнать, где миссис Криджес можно застать сейчас. А когда кабинет наконец с невероятным трудом откроют, от урока останутся жалкие минутки. Один ноль в пользу Джимми Кольена.

Но прогнозу Джимми не суждено было сбыться. Лилиан Монтегью не стала вертеть ключ в руках или взывать к ним с просьбой о помощи. Она спокойно положила ключ в карман юбки, расстегнула портфель, достала оттуда тонкий металлический прутик длиной не больше четырех дюймов, поковырялась им в замке, загородив его своей спиной от чересчур любопытных взглядов, и, крик, через пару секунд дверь как по волшебству отворилась.

– Прошу всех в класс, – сухо сказала она, и первая вошла в кабинет.

У Джимми отвисла челюсть. Все должно было пройти не так! Он поплелся на свое любимое место в конце кабинета, пиная ногой все стулья, которые попадались ему на пути. Кто бы мог подумать, что этой крошке так повезет с замком?

Наконец группа расселась, и все глаза с жадностью устремились на стройную фигурку Лилиан у доски. Семнадцать пар глаз с разнообразнейшими

выражениями – от холодного изучающего презрения до откровенной ненависти. Принимать ее с распростертыми объятиями в этом классе не собирался никто. Они осознавали свою значимость, эти шестнадцатилетние демоны, и хотели в очередной раз продемонстрировать свое превосходство.

Джимми Кольен с особым вниманием изучал нового врага. На его взгляд она мало соответствовала описанию Сары. Ее щеки покрывал ровный розовый румянец, фигурка в облегающем свитере смотрелась стройной и соблазнительной. Нет, Джимми явно поторопился окрестить ее серой мышью. Новенькая была вполне на уровне.

– Меня зовут Лилиан Монтегью, – раздался холодный голос, в котором, к великому неудовольствию Джимми, не было слышно ни испуганной дрожи, ни неуклюжего заигрывания.

Лилиан показала рукой на доску, и они увидели, что там крупными буквами написано ее имя.

– Я буду преподавать у вас математику, – продолжала она, не сводя глаз с притихшего класса.

Джимми инстинктивно чувствовал – что-то было не так. Лилиан Монтегью была обыкновенной девчонкой немного старше их с дипломом преподавателя, ненужной бумажкой, которая спасла бы ее где угодно, но только не в Марбл Хэйвен. Здесь всем было плевать на то, что она учитель. У Лилиан не было преимуществ роста, физической силы, возраста, громового голоса. По всем признакам она должна сейчас стоять перед ними с дрожащими губами и лепетать что-нибудь невразумительное, а они хохотать, кидаться учебниками и заниматься прочими делами, не обращая на нее ни малейшего внимания.

Вместо этого они сидели перед ней на своих местах и молчали. Первый урок у нового учителя, а все молчат! Лилиан Монтегью уже принялась сверять их со списком в журнале, произнося их фамилии все тем же ледяным голосом, а они по-прежнему не произнесли ни слова.

– Кольен, Джимми, – размеренно сказала Лилиан, и Джимми понял, что пришел его звездный час.

– Это я! – выкрикнул он, развязно развалившись на стуле.

Его дружки неподалеку заерзали, словно голос Джимми придал им сил. Лилиан кивнула, но не успела она перейти к следующей фамилии, как Джимми спросил со всей наглостью, на которую был способен (а способен он был на многое):

– Эй, а я не расслышал, вы чего нам сюда преподавать явились?

Класс оживился, на лицах появились ухмылки, кто-то засмеялся. Одной фразой Джимми удалось нарушить состояние оцепенения, в которое поверг всех повелительный голос Лилиан Монтегю и ее холодная манера держать себя. Кольен ухмылялся, ожидая ее ответ. Как она поведет себя? Как ни в чем не бывало? Сорвется и закричит на него? Он был готов ко всему и отлично знал, как надо себя вести в любом случае. Почти в любом.

Губы Лилиан тронула презрительная усмешка, и Кольен, совсем неглупый парень, вдруг отчетливо понял, что она ни капли не боится его. Что она не играет с ними в строгого преподавателя и не пытается нагнать на них страху излишней суровостью. И что не в его силах сотворить что-нибудь, что бы действительно привело ее в ужас.

Все это молнией промелькнуло в голове Джимми за несколько коротких секунд, что Лилиан буравила его глазами. Потом она внезапно сорвалась с места и быстро подошла к нему. Она наклонилась к Джимми и проговорила тихо, но отчетливо, так, что затаивший дыхание класс все слышал.

– Преподавать вам, мистер Кольен, я буду математику и, по всей видимости, хорошие манеры. И я очень рассчитываю на то, что вы усвоите мои уроки, иначе у вас будут большие проблемы.

Джимми Кольен, при всей своей наглости, был всего лишь школьным хулиганом, головной болью учителей и домохозяек. Этот свистящий шепот произвел на него странное впечатление – Джимми охватило нелепое ощущение, что если бы у Лилиан Монтегю был в руках нож, она с величайшим удовольствием приставила бы его ему к горлу. Что-то было в этой хрупкой девушке завораживающе пугающее, отчего желудок Джимми вдруг съежился в маленький липкий комок, а во рту появился противный вкус, словно его только что стошнило.

– Я п-понял, мисс Монтегью, – пробормотал он, не имея сил оторваться от ее стальных глаз, одним взглядом которых ей удалось пригвоздить его к месту.

Сэм Большая Рука был здоровенным громилой с низким покатым лбом и крохотными подозрительными глазками. Невозможно было поверить в то, что этот неповоротливый увалень, годящийся разве что на роль вышибалы в казино среднего пошиба, на самом деле один из самых блестящих умов преступного мира. Невыразительный внешний вид очень помогал Сэму, особенно в начале его головокружительной карьеры. Его никто не желал воспринимать всерьез, и впоследствии эта ошибка стоила многим их влияния или даже жизни.

К пятидесяти годам Сэмюэл Барнеби, или Сэм Большая Рука, по праву назывался королем всего западного побережья, остальные влиятельные или просто знающие люди с неизменным уважением отзывались о Сэме. Этот человек умел делать дела, и его власть была неоспорима. Конечно, в полиции были осведомлены о разнообразной деятельности Сэма, но смутно, так как он работал с такой необычайной осторожностью, что им не удавалось собрать на него материал, мало-мальски пригодный для судебного преследования. В молодости Сэм Большая Рука один раз сидел в тюрьме, там ему очень не понравилось, и он решил по возможности избегать повторения этого печального опыта.

На Сэма трудилось множество людей, и он крепко держал все ниточки бизнеса в своих огромных руках с мясистыми пальцами. Своей резиденцией он избрал маленький захудалый городишко Уэст Пойнт Лок на берегу океана. Сюда свозились все доходы от смелых предприятий Сэма, здесь зарождались его виртуозные схемы. В Уэст Пойнт Лок Сэм чувствовал себя в полной безопасности.

«Понтиак» Лили и Алана ровно в семь вечера проехал через широкие ворота, отгораживающие особняк Сэма от остального мира. Лили снова сидела за рулем. Алан благоразумно уступил ей место, как только они подъехали к городу. Меньше всего ему были нужны лишние вопросы. Раз Сэм назначил Лили боссом, то так тому и быть.

Лили остановила «пontiак» недалеко от входа, зная, что о нем позаботятся и без ее участия. Взяла тяжелую сумку и, не говоря Алану ни слова, вышла из машины. Было приятно вновь очутиться дома. Только на этот раз к радости примешивалось какое-то неприятное чувство. Лили покосилась на Алана,

который неспеша вылезал из «пontiака». Если бы не эта крыса, у нее не было бы повода для волнения. За себя Лили не боялась – ей было противно, что она в чем-то подвела Сэма, который полностью доверяет ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/vud_aleks/lili-i-lilian

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)